

«В ЗАЩИТУ ДОГМЫ»: ГРАЙС И СТРОСОН ПРОТИВ КУАЙНА

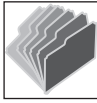
В.В. ДОЛГОРУКОВ

Герберт Пол Грайс (Herbert Paul Grice, 1913–1988) и Питер Фредерик Стросон (Peter Frederick Strawson, 1919–2006) – два ярких представителя оксфордской философии, наиболее близко связанные с течением, известным как «философия обыденного языка». Хотя обоих – в отличие от таких безусловных представителей этого направления, как Дж. Остин, – можно отнести к нему лишь с существенными оговорками.

По характеру отношений с авторитетными предшественниками философов можно условно разделить на два вида: одни – великие ниспровергатели, другие – великие основатели. Г. Райл или У.В.О. Куайн, к примеру, могут быть отнесены к первым, Грайс и Стросон – ко вторым. Грайс внес огромный вклад в лингвистику и философию языка, став основателем современной прагматики; главная же заслуга Стросона, по-видимому, состоит в создании «дескриптивной метафизики», ставшей отправной точкой для изучения метафизической проблематики в соответствии с исследовательскими стандартами аналитической философии.

Большую часть своей жизни Грайс провел в Оксфордском университете, пока в 1967 г. не переместился в Университет Беркли (США), где проработал до самой смерти. Несмотря на постоянные философские поиски, Грайс публиковался неохотно. Виною тому стремление разработать самую скрупулезную аргументацию. За всю его жизнь было издано чуть более 10 статей, среди которых «Значение» (1957), «Значение и интенции говорящего» (1969), «Логика и речевое общение» (1975).

Несмотря на это, без всякого сомнения, имя Грайса осталось бы в истории философии и в истории лингвистики, если бы единственной написанной им работой была статья «Логика и речевое обще-

ние»¹. В ней вводятся понятие «коммуниктивная импликатура», знаменитый «принцип кооперации» и формулируются максимы (количества, качества, отношения и способа выражения), без упоминания которых на сегодняшний день не обходится ни один учебник, в той или иной степени касающийся прагматики, будь то пособие по анализу рекламы или учебник по вычислительной семантике.

Что же касается Стросона, то сначала он был студентом Грайса, а потом стал его коллегой. У Стросона остались такие впечатления о своем учителе: «Занятия [с Грайсом], как правило, продолжались дольше обычного часа, и от него я узнал о сложностях и возможностях философской аргументации гораздо больше, чем от кого бы то ни было»². Стросон написал и опубликовал существенно больше, чем его учитель. Так, его перу принадлежит 8 книг, среди которых ставшая классической работа «Индивиды» (1959).

Предлагаемая вниманию читателя статья «В защиту догмы» (1956) – единственная совместная статья Грайса и Стросона. Она была написана как реакция на шумевшую работу Куайна «Две догмы эмпиризма» (1951). Куайн посетил Оксфорд в 1954 г., где обсуждал с Грайсом и Стросоном в том числе идеи, изложенные в статье «Две догмы эмпиризма». Особенности семинара в Оксфорде Куайн описывает так: «Питер и Пол поочередно менялись в качестве лектора и комментатора. Лектор читал свою статью, а затем комментатор зачитывал подготовленные комментарии: “На странице 9 внизу, я полагаю, было сказано...” Суть состояла в формулировке обоснованных суждений, никаких спонтанных мыслей. В последней части встречи, когда начиналось публичное обсуждение, Питер и Пол не были особо общительны: “Я не уверен, в чем именно состоит вопрос”; “Полагаю, это зависит от того, что Вы имеете в виду под...”; “Над этим вопросом мне следует подумать перед нашей следующей встречей”»³.

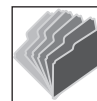
И статья Куайна «Две догмы эмпиризма», и статья Грайса и Стросона «В защиту догмы» практически сразу же после выхода были признаны одними из лучших образцов аналитического стиля философии. К примеру, обе статьи представлены в сборнике «Classics of Analytic Philosophy» (1965). Забавно, что статья Куайна, нанеся самый сокрушительный удар по логическому позитивизму (именно его Куайн подразумевает под «эмпиризмом»), отнесена в этом сборнике к разделу «логический позитивизм».

Куайн обрушился с критикой, с одной стороны, на редукционизм (одна догма), с другой стороны, на различие между аналитическими и синтетическими суждениями (другая догма). Эффект, произведен-

¹ *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217–237.

² Цит. по: *Chapman S.* Paul Grice: Philosopher and Linguist. Hampshire, 2005. P. 47.

³ Цит. по: *Chapman S.* Op. cit. P. 48.

ной работой Куайна, без преувеличения можно сравнить с эффектом разорвавшейся бомбы. Например, А. Данто так описывает свои впечатления: «Я восхищаюсь Куайном как писателем, а его критика противопоставления аналитического и синтетического, на мой взгляд, представляет собой одно из величайших событий в истории философии XX в.»⁴

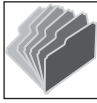
От куайновской критики страдает не только современный ему эмпиризм; он набрасывается, как отмечают в рассматриваемой статье Грайс и Стросон, на «философскую традицию с не самой дурной репутацией», у истоков которой стояли Кант, Лейбниц, Фреге и т.д. Главный аргумент Куайна – отсутствие четких критериев, позволяющих разграничивать аналитические и синтетические суждения. Это типичная для Куайна манера аргументации – Д. Деннет даже употребляет неологизм «куайнификация» как описание стратегии отказа от термина из обыденного словоупотребления на основании невозможности его четкой дефиниции.

Стросон и Грайс вступились за это различие, направив на теорию Куайна ряд контраргументов. С их точки зрения, куайновские сомнения по поводу существования различия между аналитическим и синтетическим приводят к сомнениям относительно того, что суждения вообще обладают смыслом и в принципе могут что-то значить. В отличие от Куайна для Стросона и Грайса понятие синонимии не порождает никаких концептуальных проблем: если у нас есть два утверждения, оба из которых имеют смысл и для каждого из которых мы можем сказать, что оно значит то-то и то-то, то синонимичность может определяться так: утверждение А синонимично утверждению В, если и только если истинный ответ на вопрос «Что значит А?» будет также истинным ответом на вопрос «Что значит В?». Стросон и Грайс указывают на существование важного интуитивного различия, которое нельзя отрицать, между следующими утверждениями:

- (a) Трехлетний соседский ребенок – понимает теорию типов Рассела.
- (b) Трехлетний соседский ребенок – взрослый.

Стросон и Грайс оговариваются, что если слова употреблены в обычном буквальном переносном значении, то ситуация, описываемая предложением (a), хоть и является неправдоподобной, не может считаться логически невозможной, а ситуация (b) логически невозможна, причем эта невозможность связана именно со значением терминов, входящих в описывающую ситуацию утверждение. С точки зрения Стросона и Грайса, попытка признать отсутствие интуитивно понимаемого различия между этими утверждениями приведет к невозможности оперировать и понятием значения (смысла). Близкую

⁴ Боррадори Дж. Американский философ. М., 1999. С. 111.

взглядам Стросона и Грайса концепцию значения Куайн, как известно, в дальнейшем также подверг критике, выдвинув тезис о «неопределенности перевода».

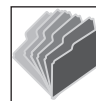
Характер аргументации Куайна, с одной стороны, и характер аргументации Стросона и Грайса – с другой, в сильной степени зависят от взглядов на то, каково отношение между естественным языком и искусственными языками.

В целом аргументация Стросона и Грайса типична для полемики между представителями философии обыденного языка и философии логического анализа языка (сходный характер аргументации носила и полемика между Стросоном и Расселом по поводу истинностной оценки предложений с определенными дескрипциями)⁵. Разница во взглядах на естественный язык в случае полемики с Куайном состоит в следующем. Куайн смотрит на него с опаской и недоверием, естественный язык полон несовершенств и поэтому к практике обыденного употребления слов без соответствующей логической ревизии следует, по его мнению, относиться осторожно. По Куайну, многие философские проблемы возникают из-за того, что мы некритически относимся к употреблению выражений обыденного языка, которые могут оказаться многозначными, двусмысленными, нечетко определенными. Именно по этой причине Куайн отказывается от дихотомии аналитического и синтетического в праве на существование: это различие нельзя провести четко, а значит, его не существует. Стросон и Грайс, напротив, относятся к естественному языку с доверием и почтением, они вглядываются в обыденное словоупотребление, стремясь обнаружить в нем внутреннюю логику и порядок. Если какой-либо философский тезис противоречит нашим интуициям относительно обыденного словоупотребления, значит, с этим тезисом что-то не так. Задача Грайса и Стросона, таким образом, заключается в том, чтобы показать, что предположение Куайна о ниспровержении догмы следует признать неудачным. И эту задачу они выполняют, прибегая к таким аргументам, которые для Куайна если не неприемлемы, то по крайней мере не значимы.

Так как же быть с «догмой»? Следует ли ее отбросить, как предлагает Куайн, или продолжать в нее верить, как предлагают Грайс и Стросон? Здесь нужно отметить, что они говорят немного о разных вещах и преследуют разные цели. Цель Куайна состоит скорее в том, чтобы показать, что аналитическое не совпадает с априорным, а цель Грайса и Стросона – показать, что разницу между аналитическим и синтетическим нельзя отрицать.

Для логических позитивистов дихотомия аналитического/синтетического совпадала с дихотомией априорного/апостериорного.

⁵ См.: Стросон П.Ф. О референции; пер. с англ. Л.Б. Лебедевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. М., 1982. С. 55–86; Russell B. Mr. Strawson on Referring // Mind. 1957. Vol. 66. P. 385–389.

В «Двух догмах эмпиризма» Куайн предоставил аргументы в пользу того, что априорное и аналитическое могут не совпадать. По Куайну, суждение «Все холостяки не женаты» нельзя безусловно относить к классу аналитических, так как требуется процедура установления синонимии (сама по себе сомнительная, с его точки зрения), что отличает данное предложение от предложения «все А суть А».

В этой связи Скотт Сомс⁶ отмечает, что Куайн исходил из двух допущений: 1) все необходимые истины – являются аналитическими и 2) аналитичность должна объясняться в терминах необходимости. Оба эти допущения, по мнению Сомса, на сегодняшний день следует признать как минимум спорными.

Последующее развитие философии языка благодаря среди прочих и усилиям С. Крипке привело к возможности оперировать такими конструкциями, как «аналитическое апостериори». Сама архитектура вопроса об отношении между аналитическим, синтетическим, априорным и апостериорным стала совершенно иной. Официальная «догматика» претерпела существенные изменения. Кто знает, может быть, вскоре вновь появится потребность в новом ниспровержении догм и в новой их защите.

⁶ Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 1. The Dawn of Analysis.* 2003. P. 360–361.